

4.2.3. От слов к делу

Как и все члены Президиума ЦК, Брежнев вел обильные записи в блокнотах, рабочих тетрадях и специальных книжках для заметок. С середины 1964 г. эти записи исчезают. На отдельных листках, правда, фиксируются указания и распоряжения Хрущева. Почти нет записей о встречах с коллегами. И ни слова о чем-либо остальном. Даже упоминаний об охоте, звонках и т. п. {2249} Подготовка к смещению первого секретаря заставляла быть предельно осторожным. А скрывать было что. В одной из бесед с председателем КГБ Семичастным выясняется, какие существуют возможности физического устранения «первого».

– Что вы имеете в виду, Леонид Ильич? – спрашивает пораженный глава госбезопасности.

– Ну там, что-нибудь такое-эдакое...

– Яд, например, или пуля?

– Да не мне тебя учить, Володя...

– А как вы представляете себе все это? Кто будет организовывать и исполнять? Лично я понятия не имею, как за подобное дело взяться. Значит, надо кому-то поручить. Причем, наверное, не одному человеку. Можно ли дать гарантию, что тайна, которой владеют столько людей, останется тайной?

Брежнев явно разочарован.

– А я-то думал, что одной из важнейших задач вашей службы и является обеспечение тайны...

– Да, но любая тайна рано или поздно перестает быть таковой. В каком виде мы будем выглядеть в глазах наших потомков?

Полагая, что ему удалось отговорить собеседника от такой рискованной авантюры, Семичастный направляется к выходу, но Брежнев останавливает его:

– Неужто так и нельзя ничего сделать?.. Вот, например, ЭнЭс собирается с официальным

визитом в Скандинавию... Может быть арестовать по возвращении, где-то на подходе к Москве?

Семичастный категорически запротестовал:

– Мы не заговорщики, и надо решать этот вопрос законным путем. Так во всяком случае он рассказывал четверть века спустя автору. И называл даже железнодорожную станцию, где собирались «брать» Хрущева {2250}. Многие сомневаются в том, что если подобный разговор и имел место, то именно осторожный и трусоватый Брежнев, а не Семичастный решился бы заговорить о таком – убийстве Хрущева. Да и нравы к тому времени радикально изменились. Никто из членов Президиума ЦК не поддержал бы такой чудовищной акции {2251}.

13 июля 1964 г. Хрущев выступил на сессии Верховного Совета с докладом о мерах по повышению благосостояния народа. В число этих мер входили: выдача пенсий и пособий членам колхозов, а также повышение зарплаты работникам просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания – всего для 18 млн. человек {2252}.

15 июля Верховный Совет постановил освободить Л.И. Брежнева от обязанностей председателя Президиума Верховного Совета «в связи с занятостью по работе в ЦК КПСС» и избрал на эту должность А.И. Микояна. На скоротечном пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в тот же день, в перерыве между двумя заседаниями Верховного Совета Хрущев подверг атаке местные партийные органы и дал понять, что в ноябре им будут предложены еще несколько реформ, в том числе в управлении сельским хозяйством. Он обещал в скором времени представить новую Конституцию СССР. О деталях не распространялся. Но в кулуарах упорно говорили о том, что выборы отныне станут производиться из нескольких кандидатов, что учреждается пост президента СССР. Сам же Хрущев напомнил собравшимся о правиле, зафиксированном на последнем съезде в партийном уставе, – не занимать выборных постов больше двух сроков. Но самым неожиданным было то, что он вдруг обрушился с угрозами на Академию наук.

– Нам не нужна Академия, которая не подчиняется решениям ЦК! – заявил он.

А дело заключалось в том, что на выборах новых академиков была провалена кандидатура Н.И. Нуждина – верного соратника «народного академика» Т.Д. Лысенко, который выбил в Президиуме ЦК специально для него дополнительную вакансию по отделению биологии. У члена президиума академии и директора Института физических проблем П.Л. Капицы собрались ведущие академики во главе с президентом М.В. Келдышем и договорились, кто и как будет делать, чтобы провалить Нуждина. Но игру им испортил А.Д. Сахаров. Не зная об этой договоренности, он на общем собрании Академии взял слово первым и неожиданно заявил:

– Пусть за Нуждина голосуют те, кто хочет разделить ответственность за самую позорную страницу в истории советской науки!

По мнению Келдыша, выступление это было крайне вызывающим, без дипломатии, а потому неудачным. Однако Сахарова поддержали И.Е. Тамм и В.А. Энгельгардт. И результаты баллотировки оказались для Нуждина плачевные: за него проголосовали лишь 20% действительных членов. Академики не скрывали своего торжества {2253}.

Совершенно иначе отнесся к этому Хрущев.

– Какой-то там Сахаров... – распалялся он.

– Трижды герой Советского Союза, – сумел вставить М.В. Лаврентьев, президент Сибирского отделения академии и кандидат в члены ЦК КПСС.

– Ну и что? Из партии таких гнать надо!

– А он беспартийный.

– Вот-вот, а академики-коммунисты внимают этому беспартийному и, мало того, при голосовании следуют его указаниям. Да зачем нам такая Академия нужна? Разогнать ее надо к чертовой матери!

Услышав его убийственные слова, Келдыш стал писать заявление об отставке. Но его отговорил делать это сидевший рядом с ним первый секретарь Московского горкома КПСС Н.Г. Егорычев.

– Имейте в виду, что сегодня Никита Сергеевич, завтра будет кто-нибудь другой, а

академию надо сохранить.

– Что вы имеете в виду?

– А то и имею, что слышали. Сегодня партию и правительство возглавляет один человек, а завтра, смотришь, Центральный Комитет поставит на его место другого. Вы ведь член ЦК, значит и от вас это будет зависеть, согласны? {2254}

Егорычев знал, о чем говорил. Он был в курсе почти всех планов Брежнева и Подгорного и приложил немалые усилия для их осуществления. Вылетая 15 июля вместе с Суловым на похороны председателя Французской компартии М. Тореза, он имел поручение Брежнева и секретаря ЦК КПСС П.Н. Демичева поговорить там откровенно, без свидетелей с главным идеологом, выяснить его умонастроение и, по возможности, склонить на сторону противников Хрущева. Но когда в Париже, после траурной церемонии, Егорычев, оказавшись наедине с Суловым в посольском саду, попробовал заговорить с ним об обстановке в Кремле и на Старой площади, тот, взглянув на безоблачное небо, сказал, что вроде бы начинает капать дождь, покинул его и ушел в отведенные ему покои {2255}.

Тем временем в Москве 16 июля состоялось заседание Конституционной комиссии. Никаких заметных предложений по демократизации государства и общества в сделанных там докладах руководителей подкомиссий не было. Зато присутствовало много идеологических штампов, кстати, отсутствовавших в предварительных рабочих проектах. Самым декларативным и «пустым» оказался доклад Брежнева о государственном управлении и общественных организациях. Советы депутатов трудящихся теперь должны были именоваться советами народных депутатов. Говорилось также о неуклонном возрастании руководящей и направляющей роли партии. Ничего примечательного не содержалось и в докладе Косыгина о работе подкомиссии по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством {2256}. Так как никаких обсуждений и решений в отношении докладов принято не было, слухи о возможных коррективах основного закона в ту или иную сторону продолжали муссироваться.

18 июля Хрущев направляет в Президиум ЦК предложение заменить только что созданные партийные комитеты колхозно-совхозных управлений политотделами. Негодованию членов Президиума ЦК против подобной военизации местных партийных организаций не было предела. Их напор оказался настолько сильным, что Хрущеву пришлось снять это предложение, хотя и с большим неудовольствием {2257}.

На расширенном заседании президиума Совета министров 24 июля Хрущев вдруг потребовал пересмотреть уже разработанные Госпланом наметки на ближайшие пять лет. По его мнению, уж коль программа КПСС обещает в ближайшем будущем построить коммунизм, необходимо взять решительный курс на то, чтобы благосостояние народа росло как можно быстрее, для чего следует больше внимания уделять производству средств потребления, не забывая, конечно, о должном уровне обороны.

Военным же, показывавшим ему на одном из танкодромов новейшую боевую технику, танки и самоходные орудия, вертолеты, пушки, минометы, пулеметы и автоматы, он говорил:

– Мы кого-нибудь собираемся завоевывать? Нет! Тогда для чего же нужно это оружие, которое мы сегодня увидели? Зачем нам вся эта прорва вооружения? Да, очень хорошего, современного. Но скольких оно будет денег стоить?

И предложил сначала серьезно подумать, какая же нам потребуется армия, а затем решать, чем ее вооружать.

– А то вы всех нас без штанов оставите {2258}.

Атмосфера аппаратной тревоги и неуверенности способствовала тому, что ряды заговорщиков стали быстро пополняться. Одни стонали от того, что «пошли под хвост» плоды долгой и кропотливой работы по составлению народнохозяйственного плана на 1966-1970 гг., конструированию и испытанию новой военной техники. Других пугали идеологические аспекты новых реформ. Третьи со страхом ждали обещанной «перетряски» кадров.

– У нас ведь доброжелателей меньше, чем недоброжелателей, – пытался объяснить помощник «первого» Лебедев, почему он откладывает чтение нового произведения Солженицына (роман «В круге первом») и ничего не делает для продолжения публикации в журнале мемуаров И. Эренбурга.

А на протест Твардовского, сославшегося на «горы писем» в редакцию, ответил:

– Нет, я ничего не говорю, в большом круге – много, но среди людей влиятельных – мало {2259}.

А Хрущев тем временем разъезжал по стране, наблюдая за тем, как идет уборка урожая, и учиняя разносы «травопопыльщикам» и сторонникам сохранения плодородия почв с помощью паров. Он посетил 4-18 августа Поволжье, Северный Кавказ, Казахстан и Киргизию. Едва вернулся в Москву, вынужден был срочно вылететь в Крым, чтобы навестить внезапно заболевшего там генсека Компартии Италии П. Тольятти. Но не успел: в пионерском лагере «Артек», куда он с Косыгиным и Подгорным примчались, им сообщили о его смерти 40 минут назад. Когда провожали тело покойного в Симферополь, загорелась машина с гробом.

– Не к добру это, – качали головами старики.

А Брежнев и Подгорный между тем продолжают забрасывать свою сеть, извлекая из нее то большую рыбу, то маленькую. Им так удалось поспорить с «первым» члена Президиума ЦК и председателя Совмина РСФСР Г.И. Воронова – человека принципиального и сугубо делового, – что тот «созрел». Его пригласили на открытие охотничьего сезона 15 августа в Завидово. Постреляли там, выпили, а когда стали уезжать, Брежнев усадил в свою «Чайку». И едва машина вырулила на трассу, сидевший там же секретарь ЦК Ю.В. Андропов поднял стекло, отделяющее заднее сиденье от шофера и охранника, и началось посвящение Воронова в планы избавления от Хрущева. Когда одобрение этим планам было получено, Брежнев стал обменивался отрывочными фразами и репликами с Андроповым, из коих у Воронова сложилось впечатление об отнюдь не второстепенной роли этого человека в затеянной игре: он вынимал из папки и показывал Брежневу какие-то бумаги. Тот с удовлетворением говорил:

– Никуда он теперь от нас не денется.

Что это были за бумаги? Компромат?.. Воронов излишнего любопытства не проявлял. Брежнев же перелистывал телефонный справочник членов ЦК, делал в нем какие-то пометы, менял вроде бы минусы на плюсы, подсчитывал и бормотал:

– Будет! Баланс будет беспроигрышный! {2260}

29 августа специальным указом Президиума Верховного Совета СССР с советских немцев сняты были обвинения в пособничестве врагу во время Великой Отечественной войны {2261}. В указе ничего не говорилось о разрешении вернуться им в старые места их проживания, откуда они были высланы в 1941 г. И тем не менее его обсуждение в Президиуме ЦК КПСС вызвало ожесточенные споры. Порою обида настолько выводила коллег Хрущева из себя, что они отвечали ему на таких же высоких тонах.

Знавших о готовящихся переменах стало столько, что они стали обмениваться сведениями и мнениями не только с вдохновителями и организаторами, но и между собой.

12 сентября, возвращаясь из Болгарии, в Киеве на пару часов остановился Брежнев. И Шелест высказал ему тревогу:

– В «дело» посвящено слишком много людей, и промедление с его решением чревато большими неприятностями. Надо или отступить от затеянного, спустить на тормозах, или же смелее двигать «дело». Нечего держать людей в подвешенном состоянии.

– Ты, Петро, не беспокойся, – ответил ему Брежнев. – Мы принимаем все меры. Но как подойти к решению этого «дела», еще не знаем, дополнительно будем советоваться {2262}.

В сентябре, примерно числа 20-го, другой первый заместитель председателя Совета министров и председатель ВСНХ Д.Ф. Устинов имел в своем кремлевском кабинете такой разговор с другим заместителем главы правительства и председателем Комиссии Совмина по внешнеэкономическим вопросам В.Н. Новиковым:

– В ближайшее время состоится пленум ЦК КПСС. Надо, чтобы ты подготовил тексты двух выступлений – одно для меня, другое для себя. Надо показать руководящему составу партии все безобразия, которые вытворяет Хрущев. Ты ряд лет работал в Госплане, и у тебя должно быть материалов предостаточно.

– Что, Хрущева снимать собираются? – полюбопытствовал Новиков. Последовал утвердительный ответ.

– А как к этому отнесутся военные и КГБ?

– Тут все в порядке, будет полная поддержка.

После этого Новиков согласился. В течение трех дней он подготовил тексты, и Устинов

внес в них поправки. А дальше оставалось ждать, как развернутся события {2263}.

В субботу 26 сентября в Свердловском зале Большого Кремлевского дворца, где обычно проводились пленумы ЦК, состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС и Совета министров с участием первых секретарей республиканских и областных партийных комитетов, глав местной исполнительной власти и совнархозов, ответственных работников ЦК, правительства и даже Академии наук. Первый заместитель председателя Совета министров СССР А.А. Горегляд доложил, что приступили к разработке перспективного плана развития народного хозяйства. А Хрущев высказал ряд соображений о том, по каким основным направлениям следует планировать экономику на ближайший период. И главную задачу плана он видел в повышении уровня жизни народа.

– Если в период первых пятилеток и в послевоенные годы мы делали основной упор на развитие тяжелой индустрии как основы подъема экономики страны, укрепления ее обороноспособности, то теперь, когда мы имеем мощную индустрию, когда оборона страны находится на надлежащем уровне, партия ставит задачу более широкого развития производства средств потребления.

Итак, Хрущев вернулся к тому, что одиннадцать лет назад говорил и за это был осужден Маленков. Оговорившись, правда, насчет необходимости развивать «и дальше высокими темпами производство средств производства», а также «держаться на должном уровне оборону страны», он тем не менее повторил, что при составлении плана следует «предусмотреть ускорение развития производства средств потребления и дальнейший рост благосостояния народа» {2264}.

Когда затем все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК собрались в комнате отдыха, Хрущев, обращаясь к ним, спросил:

– Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?

– Все хорошо! Просто отлично! – раздались возгласы.

Больше всех хвалил Брежнев. «Больно и обидно было все это слушать, просто становилось страшно, какая гнусная вещь – лицемерие, и не хватило ни у кого мужества сказать правду, – свидетельствовал присутствовавший при этом Шелест. – Позже некоторые, в том числе и Брежнев, объясняли такое свое поведение тактическим приемом, чтобы, мол, не навлечь подозрений и не вызывать тревогу у Хрущева» {2265}.

Хрущев высказал им некоторые соображения о подготовке к пленуму ЦК, намеченному на ноябрь. Материал для него готовила группа во главе с Шелепиным и Полянским. Разумеется, Хрущеву было невдомек, что этот материал готовится против него.

Объявив, что он собирается в отпуск и там посмотрит доклад, когда тот уже будет в основе своей сделан, Хрущев поручил вести все дела по Президиуму и Секретариату ЦК Подгорному.

Но в воскресенье 27 сентября он узнал от своего сына Сергея о подозрительных беседах председателя Президиума Верховного Совета РСФСР (и бывшего члена Президиума и секретаря ЦК КПСС) Н.Г. Игнатова один на один с секретарями обкомов, о его частых звонках с недомолвками Брежневу и Подгорному об упоминании грядущего ноября как срока, к которому что-то должно быть сделано.

Хрущев этой информации не поверил. Однако буквально на следующий день, 28 сентября, сказал Подгорному:

– Идут разговоры, что существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны.

– Откуда вы это взяли? – вопросом на вопрос ответил тот и добавил с деланной обидой: – Как вы только могли такое подумать, Никита Сергеевич? {2266}

29 сентября в Москву прилетел индонезийский президент Сукарно. Он требовал от Малайзии отдать ему северную часть Борнео (Калимантана), а от Великобритании – богатый нефтью султанат Бруней. И ему было нужно много оружия и военной техники, в том числе самолетов и кораблей. Причем поскорей и желательно с советскими экипажами, как это было два года назад, когда он, угрожая применить силу, вынудил Нидерланды расстаться со своей колонией в западной части Новой Гвинеи (Ириана). Его сопровождали два высших чина страны: министр-координатор по вопросам обороны и безопасности генерал армии Насутион,

которого индонезийские коммунисты подозревали в диктаторских наклонностях и который не без их влияния через несколько месяцев был отправлен в отставку, и министр-координатор по вопросам планирования национального развития генерал армии Сухарто, который через полтора года, подавив в крови выступление этих самых коммунистов, установил свою диктатуру. В Большом Кремлевском дворце был дан обед. На нем присутствовали Микоян, Хрущев, Воронов, Косыгин, Подгорный, Полянский, Сулов; кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС Ефремов и Мжаванадзе; секретари ЦК Поляков, Пономарев, Рудаков и Титов; Игнатов; заместители председателя Совета министров Устинов, Дымшиц, Лесечко, Руднев и Л.М. Смирнов; председатель одной из палат Верховного Совета Спиридонов, председатели госкомитетов при Совмине Курашов и Скачков, заместители министров Кузнецов и Лапин (МИД), Гречко (обороны) и Н.С. Захаров (КГБ); посол Михайлов, главный редактор «Правды» Сатюков и заведующий отделом печати МИДа Л.М. Замятин{2267}. Последний вспоминал много лет спустя, как Хрущев неожиданно сказал, обращаясь к гостю:

– Дорогой брат Карно! Завтра я уезжаю. Все уговаривают меня отдохнуть: и мои товарищи, и врачи, – хотя я сам чувствую себя прекрасно. Но через пару-другую недель вернусь и разобью эту «центропробку», которая нас закупоривает и мешает нам двигаться вперед!.. {2268}

Заявление это было довольно двусмысленным. О какой пробке шла речь? Дипломаты, военные и индонезийские гости поняли это как экивок в сторону империализма, препятствующего окончательной ликвидации колониализма. В пользу такого толкования говорила, вроде бы, и беседа, которую Хрущев имел на следующий день, перед отлетом на юг, с Сукарно. Он подтвердил, что СССР «поддерживает освободительную борьбу народов Северного Калимантана и будет содействовать и помогать Индонезии в ее справедливой борьбе против неоколониалистских планов». И выразил согласие повысить обороноспособность Индонезии путем «дополнительных закупок снаряжения» для ее вооруженных сил{2269}. Однако в ближайшем окружении Хрущева его слова о «центропробке» могли отнести и на свой счет.